

В то далекое знойное лето 1939 г. пятеро студентов Московского института истории, философии и литературы отправились в самостоятельную фольклорную экспедицию на Тамбовщину. Напутствуя нас, проф. Ю.М. Соколов посоветовал не увлекаться расспросами крестьян о далеком прошлом, а зафиксировать современное состояние живой фольклорной традиции. Э.В. Померанцева, ассистент кафедры фольклора, подбадривая нас примером братьев Бориса и Юрия Соколовых, пошутила: «Как знать, быть может, вам суждено возродить традицию студенческих экспедиций». И, обращаясь к своему, а теперь и нашему общему учителю, мягко возразила ему: «Современный фольклор лучше наблюдать в сравнении с прошлым или хотя бы с недавним его бытованием». Юрий Матвеевич не стал спорить со своим ассистентом, но заметил, обращаясь к нам: «Главное — не отождествлять то, что хранится в памяти народа, с тем, что бытует, что живет».

Не мне судить, насколько последовательно удалось нам исполнить этот завет, но хорошо помню, что Сергей Лаазутин и я (обычно мы работали в паре) были уверены тогда, что являемся чуть ли не последними собирателями традиционного фольклора, что он обречен на исчезновение (особенно после массовой принудительной коллективизации сельского хозяйства в условиях активной атеистической пропаганды и недавних, не прекратившихся еще репрессий). Со всем пылом юности, романтически настроенные на исполнение выпавшей на нашу долю своего рода «исторической миссии», мы, не зная отдыха, старались записать все, что можно было записать, все, что нам рассказывали и пели люди старшего и среднего поколений. Мы поражались, как нам казалось, полному равнодушию наших сельских сверстников к фольклору, их незнанию репертуара своих родителей, бабушек и дедушек (исключение составляло увлечение молодежи частушками, а детей — загадками и играми). Но вот прошло более полувека, и те, кому было тогда 10-20 лет, ныне сами стали стариками и старухами, и современные фольклористы торопятся записать от них все еще «хранящиеся в памяти старшего и среднего поколений» произведения традиционного народного творчества. И одни радуются, что удастся найти прекрасные варианты, а другие огорчаются, что собирают «последние крохи от черствого пирога», и тревожатся, что со смертью их пожилых информаторов уйдет из жизни сам фольклор...

Но не будем торопиться с прогнозами, посмотрим и задумаемся: не отождествляем ли мы судьбу тех или иных фольклорных жанров и видов с судьбой самого фольклора? Да и что такое фольклор вообще? Ответ на вопрос «Жив ли фольклор?» во многом зависит от определения природы и объема тех явлений духовной культуры, которые объединяются этим понятием.

В современной науке сосуществуют, по меньшей мере, три основные концепции фольклора, а следовательно, и различные дефиниции термина. Им обозначаются либо устно-поэтическое народное творчество, либо комплекс словесных, словесно-музыкальных, игровых (драматических) и музыкально-хореографических

В. Е. ГУСЕВ

ЖИВ ЛИ ФОЛЬКЛОР?

видов народного творчества, либо народная художественная культура в целом (включая изобразительное, декоративно-прикладное искусство). Прослеживая историю термина, можно заметить две противоположные тенденции: с одной стороны, беспредельное расширение объема обозначаемых им явлений, вплоть до всех форм духовной и материальной культуры, что ведет к растворению фольклора в этнографии и в культурологии; с другой стороны, предельное ограничение предмета, сводящее его лишь к вербальным формам, топящее фольклор как «искусство слова» и укладывающее тем самым фольклор в прокрустово ложе филологических или литературоведческих критериев¹.

Положение осложняется и тем, что одни ученые относят к фольклору лишь произведения традиционного коллективного творчества, а другие охватывают им и новообразования, произведения «новотворчества»; одни — только произведения устной традиции, а другие — и произведения письменной традиции, или «народной литературы»; наконец, одни, следуя семантике индоевропейского термина, определяют его как собственно народное творчество (иногда сужая его, как в пору вульгарной социологии, до творчества «беднейшего крестьянства и пролетариата»), другие — как коллективное или групповое творчество любого социума, любой социальной, демографической или профессиональной группы. Характерным примером поисков различных определений и толкований термина были выступления Е.Г. Кагарова, Ю.М. Соколова, В.М. Жирмунского, О.М. Фрейденберг, Н.П. Андреева в 1920 — 1930-е годы. Если Кагаров определял фольклор широко, как всю «сумму произведений народного творчества», то Ю.М. Соколов, отказавшись от своего первоначального широкого определения, утверждал, что «фольклор — преимущественно устная поэзия»².

В последнее время в науке преобладает концептуальное определение фольклора как комплексного, полнэлементного и полифункционального искусства, собственно народного коллективного творчества (но в широком, конкретно-историческом смысле понятия «народ» и его изменяющейся социальной структуры), исторически развивающегося и принимающего различные конкретные видовые и жанровые формы, составляющие различные системы.

Но вернемся к основному вопросу. Парадокс заключается в том, что в русской науке и особенно журналистике рассуждения об исчезновении фольклора встречаются уже в начале XIX в. Например, в 1841 г. Н.И. Надеждин, восхищаясь сербским эпосом и его выдающимся собирателем Вуком Караджичем, писал, что исполнители

эпических песен «в старые времена бывали и у нас, но теперь год от года выводятся». «Как жаль, — восклицал автор, — что наши русские рапсодин не нашли своего Вука!»³. А между тем подлинное открытие живой эпической традиции еще предстояло, и совершено оно было собирателями 2-й половины XIX — начала XX в.

После 1917 г. в советской России время от времени возникали дискуссии о судьбах фольклора, о соотношении в нем традиционных форм и словотворчества, старины и новизны. Не задаваясь целью обозреть всю полемику прошлых семи десятилетий, напомним лишь, что к 1950-м годам взгляды фольклористов резко поляризовались. Одни возведали «расцвет фольклора», другие сетовали на «кризис фольклорной формы» в целом, одни предрекали катастрофическое разрушение фольклорных традиций, другие искали признаки их возрождения. Противники в пылу полемики наделяли друг друга нелестными эпитетами и ярлыками. В ходу были определения типа «аллилуйщики» и «могильщики».

Особую остроту споры о современном состоянии фольклора и о новых его формах, о понятии «современный фольклор» приобрели в середине 1950-х — начале 1960-х гг. Начало первой дискуссии положили статьи в журналах «Советская этнография», «Новый мир», «Звезда». Со страниц периодических изданий она выплеснулась в аудитории многочисленных конференций 1953-1955 гг. Вторую дискуссию открыл журнал «Вопросы литературы» (1959, № 12), подхватили журналы «Русская литература» (1960, № 21) и «Народная творчество та этнография» (1960, № 3, 4; 1961, № 1, 2, 3; 1962, № 3), более широкая аудитория читателей познакомилась с ней благодаря газете «Литературная жизнь» (1961, 6 сентября; 1962, 31 января). Дискуссионные материалы появились в ежегоднике «Русский фольклор» (1961-1962, вып. V, VI), в «Фольклористических записках» Горьковского университета (1961, вып. 4), в Кратких сообщениях Бурятского комплексного института, журнале «Коммунист» (1960, № 4). В центре внимания оказалась проблема определения признаков и критериев фольклорности, проблема коллективности творческого процесса в фольклоре; была предпринята попытка определить сложную структуру современного народного творчества, соотношение фольклорных и нефольклорных зон в современной художественной культуре⁴.

Однако тогда наука еще не располагала той суммой фактов и той мерой объективности, которые позволяют теперь более полно, а во многом и по-новому взглянуть на историю русского фольклора XX века и на его современное состояние, с большей определенностью судить о процессе развития русской народной художественной культуры в целом.

В последние тридцать лет продолжалась интенсивная собирательская деятельность фольклористов, полевые исследования велось более целеустремленно, совершались повторные поездки по местам бывших экспедиций. Наряду со сплошным собиранием фактов и поисками реликвий проводились специальные наблюдения над живой фольклорной традицией, над судь-

бой отдельных видов и жанров фольклора. Из архивов извлекается недоступный ранее материал, появилась возможность свободного, непредвзятого отношения к табуированным ранее видам фольклора.

За это время, начиная с середины 1960-х гг., появились публикации и научные труды на основе новых наблюдений над современным состоянием фольклора. К сожалению, многие из них не попали в поле зрения рецензентов, не стали предметом обсуждений в фольклористической среде⁵.

Труды последних десятилетий, посвященные проблеме «Современность и фольклор», а также публикации материалов и информации о самих экспедициях и о научных конференциях по этой проблеме заслуживают специального обзора и анализа; надеюсь, такие обзоры и рецензии появятся, в том числе и на страницах журнала «Живая Старина». Пока же ограничусь некоторыми предварительными суждениями и указанием на важнейшие вопросы, которые нуждаются в ответах и которые могут вызвать дискуссию.

Более или менее ясны контуры современной структуры сохраняющегося традиционного фольклора и динамика процесса бытования его жанров: одни из них действительно безвозвратно уходят из повседневного обихода, другие сохраняют свою жизнеспособность, а некоторые — продуктивность. Наблюдения собирателей свидетельствуют о затухании таких жанров, как былины, старейшие исторические песни, духовные стихи, волшебные сказки. Впрочем, процесс этот растянулся на десятилетия и протекал неравномерно.

Так, район Русского Севера еще в 1920-е годы был «былинным краем». На Печоре А.М. Астаховой было записано свыше 50 подлинных текстов от более чем 20 сказителей. Когда же экспедиция Академии наук отправилась в эти места в 1955 и 1956 гг., ей удалось застать в живых только 7 сказителей, от которых удалось записать лишь 15 текстов. Последующие поездки на Русский Север дали еще более скромные результаты. По свидетельству А. Кострова и Ю. Марченко, проводивших здесь систематически полевые исследования вплоть до начала 1990-х годов, жизнь эпической традиции в этом регионе в сущности прекратилась.

Все реже удастся услышать старейшие исторические песни; в относительно хорошей сохранности экспедициями Московского университета записаны единичные варианты песен о турецком полоне, «Соловей кукушку уговаривал», о взятии Казани, о «сынке» Степана Разина⁶.

Более сложной оказалась судьба волшебных сказок. Их сказывание пошло на убыль в послевоенные годы, а записи фольклористов свидетельствуют о деградации и разрушении самого жанра. Впрочем, процесс этот не завершился, кое-где сохраняются очаги бытования сказок (Карелия, Архангельская и Вологодская области, отчасти среднее Поволжье, русское население Башкирии, некоторых районов Сибири)⁷.

Противоречивые процессы протекают в области календарно-обрядового народного творчества. По свидетельству многих собира-

телей, этот пласт народной культуры, подвергшийся разрушению в конце 1920-х — начале 1930-х годов, пассивно хранился в памяти старшего поколения, однако в последнее время из латентного состояния он вновь в ряде мест России возрождается, а некоторые обрядовые песни переходят в разряд небрядовых, повседневных. Что касается семейно-бытовой обрядности, особенно свадебной, этот прекрасный фонд русского народного творчества сохраняется как живая часть современной художественной культуры, хотя и подвергается структурным изменениям и утрачивает некоторые обрядовые элементы и жанровые формы⁸.

Особенно жизнеспособными жанрами русского фольклора оказались устный рассказ (в частности, мемуары), анекдот, традиционная лирическая песня, народная песня литературного происхождения, городской романс, частушка.

По наблюдениям собирателей, эти жанры не только хорошо сохраняются, но в некоторых случаях творчески развиваются. Так, Н.П. Колпакова на основании конкретного сопоставления записей народных песен разных жанров в XVIII — XIX вв. и 1950-х годах пришла к выводу: «Многие из этих песен через 250 лет обнаруживаются в современных записях в лучших и более полных вариантах, а также в очень близких, но несколько иных редакциях...»⁹. Этот вывод подтвердился материалами экспедиций института этнографии АН СССР на Русском Севере в 1970-е годы¹⁰. Впрочем, выводы других фольклористов, собиравших песенный фольклор в этих же местах, менее оптимистичны. Так, Ю. Марченко и А. Костров в беседе со мною поделились своими наблюдениями, произведенными в 1980-х — нач. 1990-х годов. Они приходят к выводу о затухании традиции, отмечая неравномерность этого процесса. Их внимание привлекает не столько репертуар, сколько изменения в исполнительской манере: сохраняется мелодика, но распев сжимается, многоголосие заменяется унисонным пением, исчезает импровизационное варьирование, в целом происходит своего рода «окостенение традиции». А в некоторых местах, где усиливается смешение населения (например, на Пинеге), возникает сложное взаимодействие различных певческих школ, что приводит к сокращению репертуара и усечению самих песен.

Большой интерес представляют региональные и локальные характеристики фольклорной традиции. Даже в тех регионах, где отмечена хорошая ее сохранность (например, в Вятском крае), конкретная картина представляется весьма пестрой, а само бытование фольклора неравномерным.

В связи с этим сошлюсь на многолетние систематические исследования С.Л. Браз (во главе экспедиций РАМ им. Гнесиных). По моей просьбе она поделилась своими наблюдениями над состоянием фольклорной традиции в Вятском крае. В районе среднего течения р. Вятки, в верховьях Волги, Камы и в низовьях р. Вятки, по свидетельству автора письма, «традиционный фольклор сохраняется и даже «молодеет», так как передается следующим поколениям. Здесь можно и сейчас записать полностью свадебный обряд с песнями. Вся жанровая система: календарь — зимний и весенний, насколько он известен во всем севернорусском регионе, плясовые, лирические, хороводные круговые песни и, конечно, поздние жанры — городская лирика, частушки, — все это на протяжении последних двух десятилетий сохраня-

ется. Хранителями являются как родственники (дочери, внуки), так и местные аутентичные ансамбли, состоящие из пожилых людей и молодежного состава.

Наибольшая же сохранность традиции наблюдается в настоящее время в районах, расположенных в бассейне Средней Вятки, например в Сунском и Нолинском. Экспедиции в Сунской район были в 1987—1988, в Нолинский — в 1990—1992 годах. В указанных районах и сейчас можно найти коллективные плачи на фоне невестино «вутья», не говоря о других традиционных жанрах. Полно представлен свадебный обряд, есть календарь (зимний и весенний) и проч. В исполнении песен сохраняется традиция октавного «тонкого» голоса.

И все же в большей части Вятского края традиция разрушается. Например, в Лузском районе уже в 1968 г. нельзя было полностью записать обряд свадьбы, а календарь сохранился очень отрывочно, в виде нескольких коляд (виноградья), гаданий (илий). Поют песни всех жанров, а приуроченности не помнят, последовательность этапов свадьбы забыли, путают, плачи забыли, хотя говорят, что раньше пели. Да и фрагментарно живы другие жанры, чаще в одностольном распеве, например лирические, плясовые, хороводные. Правда, сохранившиеся песни редки по своим художественным достоинствам (см. мой сборник «Песни реки Лузы». М., 1977, куда вошли свадебные, покосные песни и частушки «перегудки»).

В районах, населенных русскими и марийцами-аборигенами, т. е. в Кикнурском, Яранском, а также в Афанасьевском (русские и пермяки) районах, крепче всего помнят свадебный обряд со всеми его особенностями. Его можно было записать и в 1972, и в 1983 годах, и позднее в разных вариантах. Есть там и другие жанры, но постепенно, например, лирические и хоровые песни уступают место общерусским, т. е. исчезают сугубо локальные образцы.

Есть же район в верховьях Вятки — Котельничский, который находится в центре Вятской земли, недалеко от г. Кирова, являющийся перевалочным пунктом от Центра к Уралу и Сибири, где традиционного фольклора нельзя уже давно найти. Экспедиции туда осуществлялись мною со студентами в 1962, 1963 и в 1974 годах. Там поют лишь поздний, городской фольклор, причем не в лучших вариантах, а «избитых». Что ни певец там, то приезжий. Коренного населения почти нет, а кто есть, ничего не знает.

То же и в Омутнинском районе (экспедиции туда были мои со студентами в 1958, 1960-х, 1977, 1980-х годах). Район богат заводами, потому много «пришлого» люда. Здесь ни свадьбы, ни календаря, ни маломальски интересных песен других жанров не найти было уже в 1958 году. Причина — много переселенцев. В основном здесь рабочие поселки. В деревнях еле-еле «наскребли» плясовых, хороводных да немного лирических.

Итак, тенденция к «вымиранию» традиционного фольклора в Кировской области очень сильна» (письмо отправлено 23 июня 1994 г.).

Наблюдения С.Л. Браз подтверждают и отчасти корректируют материалы, собранными в Вятском крае в 1992 г. экспедицией фонограммархива Института русской литерату-

ры РАН. А. Костров и Ю. Марченко отмечают хорошую сохранность фольклорной традиции в Лузском районе. Здесь удалось полные записи песен, причем репертуар совпадает с репертуаром песен, записанных С.А. Браз в 1970-е годы, что свидетельствует об устойчивости локальной традиции. Кроме того, этим собирателям удалось выявить и некоторые новые произведения, не зафиксированные в прежних публикациях вятского фольклора. Вместе с тем в других районах фольклор помнят только люди старшего поколения, а песенный репертуар молодежи формируется не на основе местной традиции, а из других источников.

В цитированном письме С.А. Браз обращает внимание на своеобразие ситуации в районах со смешанным населением. Действительно, заслуживает внимания как специальная проблема современное состояние русского фольклора в иноэтническом окружении. Считается, что оно способствует консервации исконной фольклорной традиции русских. Для некоторых регионов это действительно характерно (в особенности для старообрядческой среды). Но все же однозначное обобщение было бы поспешным. Следует более внимательно отнестись к возможному влиянию на русскую фольклорную традицию культуры тех народов, среди которых диффузно расселились русские. Важные исследования о взаимосвязях разных фольклорных традиций были проведены в Башкирии, Бурятии, Коми, Татарии, на Украине и в странах Прибалтики. Как правило, сообщается немало фактов о воздействии русской традиции на фольклор других народов. К сожалению, такое одностороннее освещение процесса редко сопровождается сведениями об обратной связи. В качестве примера стремления объективно исследовать различные тенденции в процессе взаимодействия фольклорных традиций приведу работу Н.К. Митропольской в Литве. Автор пишет об усвоении русским населением белорусских и литовских песен, «произведений белорусской, литовской и польской сказочной традиции»¹¹. К аналогичным выводам приходит Т.С. Макашина, глубоко изучившая русскую традицию в некоторых регионах Латвии. Она пишет, что «неоднородная этническая среда оказалась чрезвычайно благоприятной для взаимовлияния различных национальных традиций, для «сотворчества» в духовной культуре разнородных этнических групп»; в частности, в фольклоре поморцев «в основу возрождавшегося свадебного обряда легли традиции того населения, которое окружало старообрядцев»; в ряде сельсоветов, по материалам экспедиции Института этнографии РАН, «фольклор <...> представляет сплав нескольких местных традиций» (русской, белорусской, украинской, польской)¹². Разумеется, все эти выводы следовало бы перепроверить в связи с изменившейся политической и демографической ситуацией в Прибалтике.

Непросто обстоит дело с проблемой изучения новых пластов и видов фольклора, тем более, что именно в этой области было много «приписок» и явных фальсификаций. О том, насколько ненормальными и односторонними были наши представления о фольклоре гражданской войны, 1920—1930-х годов, свидетельствуют недавно появившиеся публикации частушек и анекдотов, в частности материалы, извлеченные из архива выдающегося фольклориста А.И. Никифорова, опубликованные в № 2 журнала «Живая Старина» за 1994 г. Не приходится сомневаться, что

нас ждут еще аналогичные «открытия» в закрытых прежде архивных фондах. Важным событием стала научная конференция в Санкт-Петербурге, посвященная фольклору ГУЛАГа (1992).

Неполным и односторонним было освещение фольклора второй мировой войны, хотя надо признать, что советскими фольклористами, в частности русскими, а также фольклористами Польши, Югославии, Болгарии, Чехии и Словакии проведена огромная исследовательская и публикаторская работа¹³. Но нам явно недостает сведений об устной прозе и песенном творчестве узников фашистских концлагерей, а также интернированных военнопленных, о фольклоре населения оккупированных регионов России, а также населения тыла и эвакуированных жителей из захваченных фашистской армией областей. Здесь предстоит еще и архивные разыскания, и полевые исследования. Остался в тени фольклор участников войны в Афганистане. Ждет своих собирателей возникающий на наших глазах разножанровый фольклор периода перестройки и устное новаторство наших дней.

Вопрос «Жив ли фольклор?» был бы поставлен неправильно, если бы мы ограничились рассуждениями о бытовании фольклора в привычном значении этого понятия — в условиях обряда, трудовой деятельности или повседневного быта, в среде, непосредственно создающей фольклор. Необходимо принять во внимание, что если сужается сфера бытования фольклора (в особенности его архаических и традиционных видов), то, напротив, расширяется сфера фольклоризма. Термин этот, пущенный в обиход с легкой руки французского фольклориста XIX в. Поля Себийи, приобрел повсеместное распространение в научной литературе с 1960-х годов. Современной наукой этим термином в широком значении обозначается социокультурное движение, охватывающее различные формы адаптации и трансформации видов фольклора в других видах современной культуры, в деятельности фольклорно-этнографических ансамблей разного типа, в современных фестивалях народного творчества, в различных формах сценического воспроизведения, тиражирования в средствах массовой коммуникации¹⁴. Явление это становится предметом самого пристального изучения во всех странах, но, к сожалению, не привлекало достаточного внимания фольклористов России, хотя в нашей стране, зародившись в 1970-е годы в деятельности ансамбля под руководством Дм. Покровского, в деятельности студенческих фольклорно-этнографических коллективов Московской и Санкт-Петербургской консерваторий, это движение приобрело поистине массовый характер в современной городской и сельской среде. Это — не стилизация фольклора, а подлинное его инобытие, вторая его жизнь, и мы вправе признать современный фольклоризм продолжением жизни фольклора в новых социокультурных условиях. При этом, по моему убеждению, сущность проблемы состоит не в альтернативе: фольклор либо фольклоризм, а в их сложном взаимодействии, не исключающем и переспективном.

Жизнь фольклора богаче и разнообразнее, чем это можно представить себе по публикациям. Не все учтено, не все описано, многое даже не названо. Гордясь достижениями фольклористики и отдавая должное подвижническому труду наших предшественников и современных собирателей, все мы должны сознавать большой долг перед народом. Нива ждет своих работников.

Примечания

¹ См.: Standart dictionary of folklore, mythology and legend. N-Y, 1950. Vol. 1; Гусев В.Е. Фольклор (История термина и его современные значения) // Советская этнография. 1966. № 1: Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Вып. 4. М., 1991; Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.

² См.: Катаров Е.Г. Что такое фольклор // Художественный фольклор. Т. 4-5. М., 1929; Соколов Ю.М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. Т. 1. М., 1926; ср. его же: Природа фольклора и проблемы фольклористики // Литературный критик. 1934. № 12; Жирмунский В.М. Проблема фольклора // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетнему научно-общественной деятельности. 1882-1932. Сб. статей. Л., 1934; Андреев И.П. Фольклор и литература // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Т. II. Вып. 1. Л., 1936.

³ Надежден Н.И. Письмо из Вены о сербских песнях // Москвитиния. 1841. № 6.

⁴ См. подробнее: Гусев В.Е. Две дискуссии // Русская литература. 1962. № 4. С. 522.

⁵ См.: Современный русский фольклор. Сб. статей / Отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1966; Современность и фольклор / Отв. ред. и сост. В.Е. Гусев. М., 1977; Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984; Традиционный фольклор в современной художественной жизни / Сост. и отв. ред. И.И. Земцовский. Л., 1984; Русский фольклор. Полевые исследования. Вып. XXII. М.-Л., 1984; Народное песенное наследие и современность. Рига, 1984; Традиции и современность в фольклоре / Отв. ред. В.К. Соколова. М., 1988; Фольклор народов РСФСР. Вып. 17: Современное состояние фольклорных традиций и их взаимодействие / Отв. ред. Л.Г. Бараг. Уфа, 1989; Фольклор в современном мире: Аспекты и пути исследования / Отв. ред. В.Б. Бахтина, В.М. Гацак. М., 1991.

⁶ См.: Савушкина Н.И. О современном состоянии фольклора. Из опыта работы фольклорных экспедиций МГУ // Традиции и современность в фольклоре, с. 10.

⁷ См.: Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М., 1965; Макашина Т.С. Современная севернорусская сказочница А.И. Мелехова // Современный русский фольклор, с. 78-94; Бараг Л.Г. Состояние восточнославянской устной сказочной традиции и современные сказочники // Традиции и современность в фольклоре, с. 113-135.

⁸ См.: Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы / Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. Л., 1978; Соколова В.К. Место и функции традиционного обрядового фольклора в современности // Традиции и современность в фольклоре, с. 136-152. Там же см. др. статьи.

⁹ Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.-Л., 1962. С. 264-267, 271-272, 275.

¹⁰ См.: Дмитриева С.И. Особенности современного фольклора на Русском Севере // Традиции и современность в фольклоре, с. 38-39.

¹¹ Митропольская Н.К. Современное состояние русской фольклорной традиции в Литве // Русский фольклор в Литве. Вильнюс, 1975. С. 7, 22, 57 и др. См. также: Фольклор русского населения Прибалтики / Авторы-составители А.Ф. Белоусов, Т.С. Макашина, Н.К. Митропольская. М., 1976.

¹² Макашина Т.С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979. С. 4, 75, 99, 104, 154. Ср. статьи того же автора в: Фольклор русского населения Прибалтики.

¹³ См., напр.: Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.Е. Гусев. М.-Л., 1964; Гусев В.Е. Народное творчество в годы второй мировой войны и задачи его исследования // Советская этнография. 1980. № 4. С. 3-11.

¹⁴ См. статьи «Фольклоризм» в кн.: Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Вып. 4. М., 1991; Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.